

В.Е. Лялин

**Проклятие
княжеского рода**

16+

Вячеслав Лялин

Проклятие княжеского рода

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лялин В. Е.

Проклятие княжеского рода / В. Е. Лялин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Читателям хорошо известны занимательные истории о приведениях, обитавших в старинных английских замках. Когда душа давно умершего человека, в наказание за грехи, не находит покоя. Но куда страшнее наличие в семьях родового проклятия, насылаемого на грешника за несправедливые поступки, и распространяемого на его потомство. Самое главное в такой ситуации суметь вырваться из этого порочного круга, а не совершать новых грехов, оправдывая свои поступки дурной наследственностью.

Содержание

Счастлирое прибавление	8
Беззаботное детство	11
Первый бал	15
Великокняжеская фрейлина	20
Царская охота	23
Настойчивый курляндец	27
Приглашение на свидание	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Секретная узница

Хотя уже наступила календарная весна, и солнце стало иногда пробиваться сквозь густые облака, слепя глаза мирян, но тепло ещё не пришло. Зима, предчувствуя свой близкий конец, лютвала с особым рвением, стремясь хоть на день остановить приход весны. И таких холодов в начале весны, казалось, ещё не бывало. По крайней мере, старики разводили руками силясь припомнить такую стужу.

В одной полуподвальной келье в далёком сибирском Введенском монастыре доживала свой век одна послушница. Очевидно, за свою непокорность и строптивый характер, она долгие годы была заточена в крохотной келье, куда в самый светлый день через маленькое оконце, затянутое бычьим пузырьём, едва попадал солнечный лучик. Даже он был не в состоянии отогреть застывшие стены кельи, этого каменного мешка в котором царила вечная стужа. А долгой зимой келья превращалась в настоящий ледник. Стены покрывались инеем, промерзая насквозь.

Но послушница, закалённая долгими годами заточения, почти не чувствовала холода. Её уже не волновало ни чего на этом свете. Она была готова предстать перед Создателем. И с трепетом ожидала этой минуты, нутром чувствуя свой близкий конец.

Это была ещё не старая женщина, хотя тяжёлые условия содержания превратили её в древнюю старуху. На высохшем от многолетнего недоедания теле выступили вены, кожа покрылась волдырями и отмершими чешуйками. На лице обострились скулы, выдавая её монгольское происхождение. Глаза, прежде озорные и весёлые, утратили всякую радужность, потухли, спрятавшись в глубоких глазницах. Нечёсанные волосы превратились в паклю и большими клоками падали на исхудавшие плечи.

Послушница уже почти совсем забыла своё имя. А когда то она была красивой и весёлой барышней и происходила из славного и богатого княжеского рода. Она была любимым ребёнком в семье. Всё её баловали, выполняли любое желание, чтобы девочка выросла счастливой и жизнерадостной. Казалось, что её будущее будет весьма блестящим. Знатное происхождение, богатства родителей, обеспечившей ей хорошее приданное, открывали для молодой и симпатичной барышни самые радужные перспективы. Она могла служить при императорском Дворе, легко добиться фрейлинского шифра, блистать на балах сводя с ума молодых и статных кавалеров. Потом влюбить в себя какого-нибудь блестящего гвардейского офицера, нарожать красивых детишек, заниматься хозяйством и тихо встретить с мужем старость, в окружении многочисленного любящего потомства.

Но по какой-то злой случайности всего этого не случилось. Почему так произошло, безымянная послушница уже почти не помнила. Годы заточения, годы полного забвения, немного замутили её сознание. А раньше она всё помнила. Помнила имена своих обидчиков, поэтому, несмотря на нечеловеческие лишения, столь долго прожила на свете, вытерпев всё жизненные невзгоды. Ненависть и чувство мести питали её хрупкий организм необходимыми жизненными силами. А жила она, вернее существовала, подвергаясь тяжелейшим лишениям, совсем не счастливо и никто, ни одна душа на всём белом свете не заступился за бедную девушку. Её прятали в различных монастырях, укрывая от дневного света в тёмных подземельях. Держали в колодках. Приковывали тяжёлой цепью к стене. Морили голодом и холодом. Унижали и избивали. Но каким-то чудом, не иначе проведением Господним, она продолжала влачить свою брэнную жизнь. Не сошла с ума, не покончила с собой, не растерзала своих стражников. Стойко терпела все трудности и невзгоды. Но всему когда то наступает конец. Сейчас силы стремительно покидали её. Приближался её смертный час и это уже несколько не страшило узницу. Наоборот она желала этого, как избавление от тяжкой жизни. Безропотно она вынесла все посланные ей испытания, ни сколько не виня Бога. Она знала, что Господь не причастен

к её тяжкой судьбе, ибо только людское участие, или вернее безучастие, тому причина. Она радовалась приближающемуся концу и тихо испустила дух с улыбкой на устах.

Её бездыханное окоченевшее тело обнаружила молодая послушница Варвара, раз в сутки спускавшаяся в монастырское подземелье принося узнице воду и кусок чёрного хлеба. Варваре было строго запрещено разговаривать с заключённой и даже смотреть на неё. Поэтому она просовывала хлеб и воду в крошечное отверстие в двери. Придя в очередной раз и просунув через дверь скудные припасы, Варвара обнаружила, что её прежняя поклажа не тронута. Она, почувствовав что-то неладное, крестясь от испуга, побежала к матушке игуменьи и поведала ей о своих догадках. Игуменья, страдая болезнью ног, стоная и охая, сама спустилась в подвал и, отперев дверь кельи, обнаружила тело узницы.

Арестантку извлекли из подвала, омыли, облекли в чистые одежды, уложили в наскоро сбитый деревянный ящик, отпели в монастырской церкви и похоронили на кладбище за монастырём, располагавшемся на высоком берегу быстрой речки.

Монастырский сторож, по распоряжению игуменьи, нанял в городке восьмерых мирян, и они выдолбили в промёрзшей земле неглубокую яму, в которую и опустили гроб с телом усопшей. Во время похорон, словно по волшебству, утих ветер, а из тяжёлых облаков, нависших над крышами домов, выглянуло солнышко, озарив своим светом всю округу.

– Знать, угодна она Господу Богу, – отметил церковный сторож.

– Прими Господь душу усопшей рабы твоей Прасковьи, – перекрестилась игуменья и знаком повелела закапывать могилу.

Мужики быстро засыпали яму перемешанной со снегом землёй, водрузив над небольшим могильным холмиком деревянный крест.

С наступлением лета, когда земля оттаяла, могилка осела, крест накренился, а затем в половодье, талая вода быстрым потоком унесла его неизвестно куда, надёжно скрыв место захоронения. За лето на этом месте выросла высокая трава, а вскоре расцвели и заблагоухали голубенькие колокольчики, приманивая трудолюбивых пчёл своим ароматом. Украсив собой это убогое местечко. Так и вовсе не стало могилки. Да и само имя секретной узницы, само её пребывание в монастыре, вскоре стёрлось из памяти монашек. Словно и не было такого человека вовсе.

А в это самое время, когда луговые колокольчики радовали взор своим божественным видом, стремясь немного украсить этот бранный мир, в далёком от Введенского монастыря Петербурге в своём огромном дворце в полном одиночестве умирал знатный вельможа, князь Борис Григорьевич Мамаев. Видный царский сановник, баловень судьбы, богач, повелитель многих тысяч крепостных крестьян, Борис Григорьевич умирал тяжело. Лёжа в холодной постели, он не имел сил позвать кого-либо из многочисленных слуг. Его трясло и лихорадило. Всё тело ныло, а кости выкручивало. Не привыкший к физической боли князь с трудом переносил своё болезненное состояние. Его конец уже был близок. Тело его не слушалось. Он уже обмочился и лежал в холодной луже. Будущая неизвестность страшила его. Он был не готов к предстоящим переменам.

Борис Григорьевич желал позвать камердинера, но не имел сил, дотянуться до шнура с колокольчиком. Так и лежал он один, дожидаясь конца без причастия. Ни кто не пришёл поддержать его в последнюю минуту. Не было с ним ни одного близкого человека. Его супруга уже давно оставила его и доживала свой век за границей. Его многочисленные дети, не дожив до двадцати одного года, умерли один за другим. А оставшийся в живых единственный сын, блистал при царском дворе, занятый собственной карьерой, совершенно забыв о родителе, с нетерпением дожидаясь, когда он сможет унаследовать все семейные богатства.

Старый князь Мамаев в полной мере осознал, что перед лицом смерти он одинок, бессилен и ни кому не нужен. От этого князя охватил ужас, отпечатавшись страшной гримасой на его лице.

– Вот и подействовало твоё проклятие Прасковья, не уж то это твоя кара, – с трудом прохрипел князь.

Он прослезился и испустил дух.

Таким страшным, с жуткой гримасой на лице, его и обнаружил камердинер Архип, многие годы состоявший при своём господине. Ранним утром, не дождавшись вызова хозяина, Архип на свой страх и риск потихоньку, крадучись, вошёл в княжескую спальню и обнаружил бездыханное тело своего повелителя.

По традиции глаза покойника непременно нужно было закрыть, положив на глазницы по золотому империалу. Но Архип, испугавшись, замешкался и забыл прикрыть глаза князю. А вскоре труп и вовсе окоченел. Так и положили барина, предварительно облачив в парадный генеральский мундир, в роскошный дубовый гроб с открытыми глазами и страшной миной на лице.

На похороны съехались знатные сановники империи. Губернский предводитель дворянства граф Тюрин объявил в губернии трёхдневный траур. Покойного князя отпевали в главном соборе столицы. Похоронную процессию возглавлял эскадрон конных гвардейцев. В похоронной процессии следовали младшие члены царской фамилии.

Словом князя Бориса Григорьевича похоронили со всеми почестями, в Александро-Невской лавре, в фамильном склепе, рядом с его знаменитыми предками.

Наследник князя Бориса, как положено по христианскому обычаю, справил панихиду на сороковой день, и установил на могиле роскошный надгробный памятник, а после спокойно зажил своей жизнью.

Счастлиное прибавление

Наступил ноябрь месяц, когда молодая княгиня Анна Никитична Мамаева почувствовала наступление родов. У неё начались редкие, но болезненные схватки. Моментально всё в княжеском дворце оживилось. Забегали дворовые девки, засуетились горничные. Заранее приглашённые повитухи, ощутив свою значимость, стали с важным видом отдавать распоряжения. Словом всех охватило некое волнение, всегда наступающее в момент появления новой жизни.

У княгини это были вторые роды. Двумя годами ранее она родила сына Бореньку, наследника княжеского рода. Роды прошли гладко, без осложнений. И теперь княгиня вновь рассчитывала на лёгкие роды, с нетерпением ожидая появления нового ребёнка.

Князь Григорий Николаевич, глава рода Мамаевых, тоже с нетерпением ждал прибавление своего семейства. Стараясь внешне сохранять спокойствие, он степенно бродил по многочисленным комнатам своего дворца, не зная чем заняться. Всё валилось у него из рук. Он жутко волновался, не находя объяснения своим опасениям. И как не силился он сохранить спокойствие, его внешность выдавала его внутреннее волнение. Всё лицо князя покрылось большими бурыми пятнами. Он ощущал слабость в коленях и лёгкую дрожь в руках.

Роды затягивались. Князь уже дважды обошёл дворец, но пока ни каких известий не было. Его волнения усиливались с каждой минутой ожидания. Наконец Григорий Николаевич, чтобы хоть немного успокоиться решил выпить вина. Он подошёл к летнему столику и попытался налить вина в бокал из кувшина. Но у него ни чего не вышло. Руки не слушались, и вино было пролито на столешницу. Князь выругался и отошёл от стола, направившись в смежную со спальней комнату.

Из спальни выглянула одна из повитух, старая сгорбленная баба, с чёрной бородавкой на носу, своим видом напоминающая настоящую Бабу-Ягу, и громко окликнула одну из горничных девок, отдав ей какие-то распоряжения.

Появление повитухи и её тон только накалили и без того тревожную обстановку. Все замерли в ожидании. Наконец общее оцепенение, длившееся пару минут, нарушил звонкий крик младенца.

– Слава Богу, – опустившись на колени перед образами Иисуса Христа и Богородицы, перекрестился князь Григорий.

Из спальни вновь выглянула старая повитуха и объявила:

– Барыня разрешилась от бремени. Господь даровал девочку!

Все вдохнули с облегчением. Наконец всё закончилось. Дворец загудел радостными воплями дворовых. Все поздравляли друг друга, радуясь господскому счастью.

Григорий Николаевич вновь принялся молиться, благодаря Бога за рождение дочери. У него уже был сын и наследник, особая отцовская гордость, теперь князь желал дочку, родительскую усладу. Объект его особой заботы и любви.

Закончив молитву, князь Григорий поднялся с колен и увидел перед собой сияющего дворецкого Архипа. Это был здоровенный мужик, привезённый в столицу из дальней мешёрской волости и поставленный князем управлять всем хозяйством, за природную смекалку и предприимчивость. Архип многие годы служил своему господину ни разу не вызвав княжеского неудовольствия. Он наперёд угадывал все желания хозяина и без оговорок выполнял все княжеские указания. Он был безгранично предан своему барину.

Вот и теперь Архип искренне желал разделить радость с хозяином и, уличив самый подходящий момент, появился перед бариним с подносом с вином и фруктами.

– Дозволь Григорий Николаевич поздравить вас с рождением доченьки, – с поклоном приветствовал хозяина Архип. – Вот пожалуйста выпить, в честь радости.

– Благодарствую Архипушка, – сияя от счастья, ответил князь.

Он принял бокал из рук дворецкого и залпом выпил его. Вслед за первым бокалом князь осушил ещё два бокала. Утолив жажду и почувствовав лёгкий шум в голове, вполне довольный собой князь разгладил пышные усы.

– Какой нынче день?

– День Пресвятой Параскевы-Пятницы, князь батюшка, – перекрестившись, ответил Архип. – Светлый ныне день. Я с самого утра истово молил Святую Параскеву помочь барыне разродиться. И чтоб дитё было здорово. И чтоб княгинюшка не лишилась сил. Видать Святая Параскева услышала наши молитвы и помогла.

– Значит, тому и быть, – выслушал дворецкого, объявил князь Григорий. – Наречём новорождённую княжной Прасковьей.

– Вот и славно, – поддержал барина дворецкий.

– А ты Архипушка, готовься к празднованию. Нужно родины как следует отметить. Гостей созовём, устроим пир на весь мир. Смотри, чтоб было всё организовано на высшем уровне.

– Не извольте беспокоиться князь-батюшка, всё сделаем по первому разряду. В грязь лицом не ударим. Пусть знают, князья Мамаевы всегда держат свою марку.

Архип низко поклонился и, поцеловав руку князя, удалился, спеша выполнить хозяйскую волю.

Проводив дворецкого, Григорий Николаевич решил навестить супругу. Он тихо прошёл в спальню, где на большой кровати среди множества подушек, лежала княгиня, прижав к груди новорождённую.

Увидев супруга, княгиня улыбнулась, показывая рождённую девочку. Григорий Мамаев присел на кровать рядом с женой, любуясь ребёнком. Малышка спокойно спала, тихо посапывая во сне.

– Она прекрасна, словно маленький ангелочек. Так похожа на тебя. Твои тонкие губы и слегка вздёрнутый носик, – внимательно рассматривая дочку, объявил Григорий Николаевич.

– Она чудо, – продолжала улыбаться княгиня.

– Как ты себя чувствуешь? – обратился к супруге князь.

– Хорошо? – слабым голоском ответила Анна Никитична.

– Спасибо тебе милая Аннушка за девочку, – поцеловал жену князь Григорий. – Я так рад, я так счастлив.

Пока супруги ворковали возле малышки, в спальню влетел маленький княжич Борис. Он лихо вскочил на кровать и на четвереньках подполз к матери.

– Тише Боренька не шуми, а то разбудишь сестричку, – одёрнул сына Григорий Николаевич.

– Покажите мне сестричку, – попросил Борис.

– Смотри, – княгиня развернула малышку в сторону сына.

– Ой, какая маленькая, – обрадовавшись, завопил княжич.

– Она же только что родилась.

– Да она просто крошка.

– Да крошка, но какая красивая.

– А что она молчит?

– Она спит.

– Пусть проснётся, я хочу с ней играть, – попросил Борис. – Мы с ней будем в догонялки играть.

– Она пока не может, она слишком маленькая. Она ещё не умеет ходить.

– А как же я буду с ней играть? – насупился княжич.

– Ни чего, – поцеловала в лоб сына княгиня Анна. – Она быстро подрастёт, и вы сможете вместе шалить.

- А у неё имя есть, как её зовут? – продолжал засыпать вопросами юный князь.
- Мы назовём её княжной Прасковьей Григорьевной, – объявил князь Григорий Мамаев. – В честь Святой Параскевы, раз она появилась на Божий свет в день её поминовения.
- Прасковья, – повторил за отцом Борис. – Мне нравится.
- Милая, как тебе имя Прасковья? – обратился Григорий Николаевич к супруге.
- Мне нравится это имя, – согласилась с мужем Анна Никитична.
- Тогда так и окрестим её, как только малышка немного окрепнет, – поцеловал руку жены князь. – Я уже отдал нужные распоряжения.
- А кого выберем в воспитанники? Нашей девочке нужна достойная крестная мать, соответствующая нашему статусу. Мне хочется, чтобы наша малышка была самым счастливым ребёнком на свете.
- Я подумал и об этом, – успокоил супругу князь Мамаев. – Не беспокойся, будут самые достойные люди.
- Кто же?
- Я обращусь к государыне-матушке Екатерине Алексеевне, быть воспитанницей нашей крошке. Полагаю, императрица нам не откажет в своей милости. А в крёстные отцы мы попросим его светлость князя Александра Меншикова. Могущественнее людей сейчас в государстве Российском нет.
- Я одобряю твой выбор, – обрадовалась княгиня.
- Пока родители ворковали друг с другом, Борис, почувствовав свободу, чтобы развлечь себя, стал прыгать на кровати, едва не разбудив малышку.
- Тише Боренька, – попыталась урезонить сына княгиня. – Не стоит прыгать, а то разбудишь сестричку.
- Но мне скучно, я хотел с ней поиграть, – стал оправдываться княжич.
- Нужно подождать пока она подрастёт.
- Сколько?
- Годика два-три.
- Так долго?
- Ни чего не поделаешь. Ты тоже, когда то был малышом. А сейчас какой вымахал. Скоро будешь настоящим солдатом.
- Я буду кавалеристом, – засмеялся юный князь Мамаев.
- Конечно, ты будешь лихим кавалеристом, – обратился к сыну князь Григорий Николаевич. – По только нужно немного подрасти. А пока можешь наслаждаться детством. Гулять, играть, шалить.
- Я уже большой, – гордо заявил княжич.
- Конечно большой и поэтому, как старший ты должен всегда защищать и оберегать сестричку.
- Я буду её защищать, – пообещал Борис. – Пусть только кто-нибудь посмеет её обидеть. Я с ним быстро разберусь.
- Вот и славно, – остался доволен заявлением сына князь Григорий. – А теперь беги, поиграй.
- Княжич чмокнул маму в щёку, поцеловал руку отца и, спрыгнув с кровати, вприпрыжку помчался прочь из дворца в сад.
- Оставшись одни, супруги ещё долго любовались новорождённой девочкой.

Беззаботное детство

Маленькая Прасковья жила с родителями в Петербурге, в одном из княжеских дворцов на набережной Невы.

Дворец князей Мамаевых был огромным, украшенным множеством различных башенок и надстроек. Это скорее был целый ансамбль зданий и флигелей, выстроенных полукругом, которые образовывали просторный внутренний двор. Из окон фасада второго этажа, на котором располагалась детская, открывался прекрасный вид на Неву, по которой в летнее время плавало много судов. На кораблики любила смотреть маленькая княжна.

Прасковья и её старший брат Борис вместе с многочисленными няньками и служанками занимали во дворце целый этаж. Детские апартаменты, обставленные сказочной мебелью, были полностью изолированы от остальной части дворца, где обитали взрослые. Это был отдельный детский мирок, сказочное королевство. Там княжеские дети были настоящими повелителями своих подданных, командирами многочисленной своры служанок и нянек. Они могли делать, что пожелают. Кроме кучи игрушек предоставленных барчукам, для детей во дворце были устроены аттракционы. В одной большой зале были устроены настоящие качели. А у стены сооружена деревянная горка, с которой дети вихрем неслись вниз, взгромоздившись на куски плотной материи.

Любящие родители баловали своих чад, частенько устраивая им праздничные развлечения. Самым радостным праздником для детей было Рождество. Когда за несколько дней до праздника во дворец из леса привозили ёлку и устанавливали её в бальной зале. При этом двери большого зала закрывались и туда, под разным предлогом, не пускали детей. Там шли таинственные приготовления к празднику, о которых малыши лишь догадывались. Во дворце наступала общая суматоха, пропадали устоявшийся покой, все чем-то были заняты. Детей охватывало волнующее и радостное оживление.

В сочельник Борис и Прасковья уже не могли более терпеть и приходили в такое возбуждённое состояние, что нянькам стоило большого труда их умирять. Дети постоянно рвались в бальную залу, чтобы хотя бы одним глазком подглядеть, что происходит за закрытыми дверями.

Часто, чтобы успокоить малышек, их увозили на прогулку, катая в карете по украшенным к празднику улицам. Водили в гости по соседским дворцам для игр со сверстниками.

Наконец наступал долгожданный момент. Детей одевали в праздничные наряды. Особенно великолепно выглядела Прасковья. Словно ангелочек в лёгком кружевном розовом наряде. Детей их многочисленная свита, так же облачённая в праздничные костюмы, проводила на первый этаж. Двери бальной залы торжественно открывались, тушились свечи и перед восхищённым детским взором во всей своей красе, как в сказке, появлялась волшебная ёлка с горящими свечами. Детские сердечки замирали от счастья. Налюбовавшись сказочным видением, Прасковья и Борис спешили нырнуть под ёлку, где для них были приготовлены подарки.

Темнота исчезала. Зала наполнялась ярким светом сотен свечей. Одолеваемые волнением дети восторженно рассматривали подарки, искренне им радуясь. Рассмотрев свои сокровища, маленькие Мамаевы усаживались за установленные вдоль стен столы, покрытые белыми скатертями и сервированные различными сладостями. Тут можно было вести себя совершенно свободно, без соблюдения строгого этикета. Продолжался волшебный вечер детскими танцами и пением. Для таких случаев князь Мамаев держал собственных крепостных музыкантов.

Когда свечи на ёлке проживали свою короткую жизнь, наступало время для фейерверка, когда разноцветные огоньки с шумом разлетались в разные стороны, вызывая полный восторг у детей.

Уже поздно вечером, усталые, но счастливые от переполненного впечатлениями праздника, дети отправлялись спать, укладывая с собой в постели полученные в подарок игрушки.

На следующий день вся семья отправлялась в гости к многочисленным родственникам. Там Прасковья могла похвастаться пред сверстницами своими нарядами и рассказать о новых игрушках.

Интересными были зимние дни нового года, когда после крещения мороз накрепко сковывал льдом маленькие каналы в княжеском парке. Убедившись, что толщина льда достаточная, князь Григорий Мамаев отдавал распоряжения очистить замёрзшие водоёмы от снега. Получалась длинная и запутанная ледяная дорожка, по которой дети катались на фигурных коньках, сбивая коленки при падениях. Но это ни сколько не было больно, наоборот забавно и весело.

Кроме коньков ещё одним зимним развлечением было катание на санках. Дворцовые лакеи нагребали огромную кучу снега в парке, возле большой липы, с одной длинной пологой стороной. Вырезали из снега на вершину ступеньки, сколачивали из струганных брусочков перила, чтобы детям было удобно забираться наверх снежной кучи. Заливали водой пологую часть, по которой можно было съезжать с горки. После некоторых испытаний, когда родители убеждались в безопасности такого снежного сооружения, Борису и Прасковье разрешали начинать санные катания. Дети вихрем неслись по скользкому склону вниз, ни сколько не боясь оказаться в сугробе.

В начале весны, когда в полдень начинало пригревать солнышко и с увенчанных длинными сосульками крыш отделялись капельки такой воды, а снег набирался влаги, теряя свою белизну, дети с удовольствием играли в снежки. При этом Борис непременно поддавался сестре, позволяя ей пользоваться поддержкой нянек.

Не менее волнующими были дни рождения. Уже за неделю маленькую Прасковью начинали подготавливать к торжествам. Для неё шили новое платье. Кроме матушки ежедневно навещавшую дочь, утром, чтобы поздороваться, и вечером, чтобы пожелать доброй ночи, к имениннице начинал наведываться отец, выкраивая служебное время, чтобы обнять чадо перед сном и украдкой узнать, что она желает получить в качестве подарка.

В праздник дворец украшался лентами и цветами. В гости к имениннице приглашались многие сверстницы, в основном из семей многочисленной родни. Счастливую Прасковью засыпали подарками. Все её поздравляли и искренне восхищались, называя маленьким ангелочком. Весь день она была в центре внимания. Несмотря на свой незначительный возраст, Прасковья была главной. Гости с ней обращались как с равной.

Среди детских гостей Прасковья выделяла долговязого Кристофера, принца из Германии, дальнего родственника князей Мамаевых. Кристофер брал кузину за руку и так мило смотрел на именинницу, что приводил в полное умиление взрослых гостей. Все восхищались столь прекрасной юной парой. В шутку именуя княжну и принца женихов и невестой, смущая маленькую юбиляршу. Поэтому каждый приезд в гости принца Кристофера волновал юное сердечко княжны.

Когда дети немного повзрослели, княгиня Анна Никитична на лето стала увозить их в подмосковное имение Дмитровку, где деревенская жизнь текла буднично и размеренно. Сельский воздух, по мнению княгини, должен был укрепить слабенькое детское здоровье.

Имение Дмитровка было огромным, почти тысячу десятин земли, и граничило с Москвой-рекой, находясь в двадцати верстах от Москвы. В имении, близ реки, находился белокаменный двухэтажный дом. Просторный и светлый особняк выстроенный князем Григорием

Николаевичем Мамаевым на месте старинный княжеской усадьбы, пожалованной в прошлом столетии царём Алексеем Михайловичем ещё деду князя.

Детям было хорошо в просторном подмосковном дворце, но самым привлекательным для них был парк. Он был необычайно хорош. Начинался от самого парадного входа господского дворца и спускался вниз к реке. Парк аллеями был разделён на несколько частей. Борис и Прасковья могли часами бродить по парку, иногда спускаясь в реку, чтобы полюбоваться многочисленным стадом коров, пригоняемых пастухами к полудню на водопой.

В имении находились многочисленные оранжереи, парники и фермы, огороды и целые поля цветов. Князь Григорий Николаевич был хорошим хозяином и всячески развивал свои владения. Из Швейцарии князь выписал молочных коров светло-бежевой масти. Разводил лошадей редкой Арденской породы. Содержал Голштинских овец и разных диковинных птиц.

Анна Никитична любила с детьми, в сопровождении своих наперсниц и, облачённых в расшитые ливреи, слуг обходить свои владения. Наведываясь на молочную ферму, детей угощали парным молоком. После княгиня со своей свитой отправлялась на птичий двор, где Прасковья и Борис любовались пёстрыми курами, напыщенными индюками, и резвыми утками. За птичником княгиня отправлялась на конюшню, где детям разрешалось погладить величавых лошадок. После их путь лежал в оранжереи, где произрастали всякие диковинные растения. Там Прасковья любовалась многочисленными цветами, особенно ей нравились, несмотря на острые шипы, бордовые розы.

Осмотрев хозяйство, Анна Никитична с детьми возвращалась домой в открытой коляске. Кучер, одетый в длинную белую рубашку и тёмно-синюю безрукавку, опоясанный широким шерстяным поясом, концы которого свисали до колен, кланялся и помогал госпоже и детям взобраться на повозку. Прасковья усаживалась напротив кучера, чтобы наблюдать за тем как он управляет упряжкой из трёх лошадей и рассматривать его шляпу, украшенную павлиньими перьями.

Большую часть пути ехали шагом, и только перед самым домом, кучер, слегка наклонившись вперед, пускал тройку во весь опор. Коренная лошадь шла рысью, слегка покачивая гривой, а пристяжные – галопом, стыдливо опустив головы и грациозно выгнув шеи. Их густые гривы и длинные хвосты развевались на ветру, погружённые в облако сверкающей на утреннем солнце мелкой пыли. Лёгкий прохладный ветерок освежал личико Прасковьи. Она, как павлин, вытягивала шею, купаясь в воздушном потоке.

Возвратившись домой Мамаевы, всем семейством завтракали на открытой веранде. После наступало свободное время, когда можно было погулять в парке. Прасковья любила поозорничать, укрывшись в кустах наблюдать за взволнованными няньками, мечущимися по парку в поисках княжны.

К обеду, как правило, навещали гости, соседи из ближайших поместий, со всеми домочадцами. Тогда начинались подвижные детские игры в догонялки и салки.

К вечеру, с наступлением душистой прохлады, когда воздух в парке насыщался ароматом оживших от дневной жары трав и цветов, все разъезжались, а измученных играми детей няньки уводили в дом. Там их поили молоком и укладывали спать.

Однажды в середине жаркого лета, княжна Прасковья, по недогляду няnek, заболела. После обеда она почувствовала себя плохо. Её активность улетучилась. Бегать и шалить уже не хотелось. Её клонило в сон. Детское личико покраснело, а на теле выступила сыть.

Встревоженные няньки забили тревогу. Больную отнесли в спальню и уложили в кровать. Весь дом охватило волнение, все старались помочь больной.

У Прасковьи был страшный жар, температура тела достигла тревожной отметки. Разгорячённый мозг, стараясь притупить страдания больной, притупил её сознание, погрузив в странный мир фантазий и грёз. В болезненном сознании возникали яркие, сказочные видения. Ей привиделся рыцарский замок с, обвитыми диким виноградом, массивными стенами, высокими

башнями и подъёмным мостом, над наполненным водой рвом. По мосту следовала кавалькада. На огромных боевых рысаках накрытых разноцветными попонами гордо восседали рыцари, облачённые в позолоченные латы, в длинных пурпуровых накидках и шлемах украшенных пышными султанами. За ними в пешем строю следовали сокольничие в стёганных туниках с соколами на запястьях. Завершали процессию грациозно восседавшие на гнедых скакунах красивые амазонки в роскошных платьях, шлейфы которых волочились по земле. Прасковья захотела присоединиться к процессии, но кто-то остановил её, схватив за руку. Железный голос незнакомца сообщил, что ей не место в рядах знатных господ.

– Как же так, – возмутилась девочка. – Почему я не могу присоединиться к вам? Я тоже знатного рода. Я русская княжна, мой старинный род ведёт своё происхождение от древних султанов Египта.

– Забудь кто ты, – железным голосом ответил незнакомец. – Твоё знатное происхождение для тебя не сослужит службу. Твоё место с простолюдинами.

– Нет, – закричала княжна.

Ответа не последовало. Лишь в воспалённой голове юной княжны сменилось картинка.

Великолепный замок и прекрасные цветники исчезли. На их месте появились жалкие крестьянские лачуги, сменившиеся тёмными и страшными тюремными казематами.

Прасковья вздрогнула от страха и открыла глаза. Голова была тяжёлой, а в ушах стоял гул, как от полчищ жужжащих пчёл. Девочка немного осмотрелась. Где-то сбоку, в комнате горел ночник, а над постелью склонилась чья-то тень.

Княжна вскрикнула от испуга. Но ласковый материнский голос её успокоил. Прасковья вцепилась в руку матери и прижала её к груди. Анна Никитична, переживавшая за дочь и уже несколько дней не отходившая от её постели, ощутила, как сильно колотится детское сердечко. Но она была рада, что девочка пришла в себя, значит, болезнь отступила.

– Слава Господу Богу, ты очнулась, – княгиня поцеловала дочку. – Теперь всё будет хорошо.

– Милая мамочка, что случилось? Сколько я болела? – размяв сохшиеся губы, прохрипела Прасковья.

– Тебя что-то тревожит, моя дорогая? – ощутив опасения дочери, спросила Анна Никитична.

Прасковья рассказала о своих болезненных видениях и о разговоре с незнакомцем.

– Это всё пустяки. Это твоё болезненное воображение, – поспешила успокоить дочку княгиня.

С этого дня болезнь отступила. Прасковья быстро пошла на поправку. И вскоре она, как ни в чём небывало, резвилась в парке, позабыв о своих кошмарах.

Первый бал

Детские годы пролетели быстро и, из беззаботной девочки, Прасковья превратилась в красивую девушку. Возрастным рубежом стала поездка Прасковьи Григорьевны в Москву на коронацию императрицы Анны Иоанновны.

Новая государыня всю молодость провела в Курляндии в качестве вдовствующей герцогини, влача жалкое существование. Постоянно клянча деньги у могущественной родни в Санкт-Петербурге. В окружении надменных немецких баронов, потомков рыцарей-крестоносцев, прибывших в Прибалтику по призыву Римских пап, в поисках военной славы и богатств, Анна Иоанновна чувствовала себя не в своей тарелке. С детства привыкшая к широкой русской жизни вдовствующая Курляндская герцогиня чахла среди немецкого рационализма. Единственной отдушиной, сердечным бальзамом, для неё стал герцогский конюх Эрнест. Его сладкие речи и жаркие поцелуи согревали заледеневшее сердце герцогини.

Но неожиданно всё изменилось. Русский трон освободился. И хотя на императорскую корону были более подходящие кандидаты, но наделённые особыми правами члены Верховного совета, кучки самых знатных русских вельмож, вознамерилась предложить императорскую корону Курляндской герцогине, полагая, что Анна Иоанновна станет послушной игрушкой в их руках.

Вельможи предложили будущей царице подписать особые кондиции. Документ ограничивал власть монарха и наделял законодательной властью Верховный совет. Как и предполагали верховники Анна Иоанновна не раздумывая подписала все документы. Она так жаждала короны, что с лёгкостью делегировала часть своих полномочий членам Верховного совета. Пусть они занимаются управлением страны, а она будет управлять своим двором. Казалось, что все были довольны, в стране образовывалась вторая в мире, после английской, конституционная монархия.

Однако новую форму правления не восприняли широкие массы дворянства. Часть аристократии недовольная возвеличиванием кучки верховников выступила против кондиций, поддержав абсолютную власть императрицы.

Среди приверженцев новой государыни был князь Григорий Николаевич Мамаев. Он, уличив нужный момент, во главе своего гвардейского полка выступил на защиту монархии и окружил здание Высокого Сената, где заседали члены Верховного совета, пленил их и выдал царице. Обрадованная таким поворотом дела Анна Иоанновна тут же, на радость дворянства, разорвала ранее подписанные ею кондиции и единовластно воцарилась на троне. Так провалилась затейка верховников, а князь Григорий Мамаев обрёл великую царскую милость.

Благодарная царица наградила князя Мамаева высшим государственным орденом Святого Андрея Первозванного, сделала губернатором столицы и пожаловала высоким чином генерал-аншефа. Безграничная царская милость распространилась и на юного княжича Бориса Мамаева. Он, не проведя ни одного дня на военной службе, сразу же был возведён в гвардейские поручики, чин равный армейскому майору. А всё чета князей Мамаевых была приглашена на коронационные торжества.

Прасковья Григорьевна стала непосредственной участницей коронации Анны Иоанновны, по царской милости, неся за государыней шлейф царской мантии. И хотя коронационные торжества были пышными и роскошными, для юной княжны её новая роль была в тягость. Она ощущала себя униженной, ощущала себя безродной служанкой, вынужденной угождать своей хозяйке. Особенно девушку раздражала надменная императрица, частенько милостиво похлопывающая по щеке княжну. Она с нескрываемой завистью смотрела на дам из императорской свиты, облачённых в расшитые драгоценностями платья и увенчанных бриллиантовыми диадемами, гордо следовавших за государыней. На многочисленных немецких монархов

их жён и дочерей, представлявших свои страны. Они хотя и были одеты беднее русских барышень, но держались весьма надменно, стремясь соответствовать своему высокому статусу.

Прасковья едва дождалась окончания торжеств и с облегчением вернулась в родительский дворец.

После коронационной церемонии Прасковья Григорьевна изменилась. Её уже не восхищали игрушки и детские забавы. Детство прошло, начиналась взрослая жизнь. Эту перемену подметила мудрая княгиня Анна Никитична.

Няньки с детства, опекавшие княжну, получили отставку. К Прасковье Григорьевне была приставлена французенка гувернантка, мадмуазель Луиза. Она сразу взялась за воспитание своей подопечной, стремясь привить ей чувство изящества и грациозности.

Через год маленькую Прасковью уже было не узнать. Она стала настоящей светской барышней. Стала держать себя в обществе по-особому, с чувством собственного достоинства. Перед ней стали робеть служанки. Даже старая нянька, с малолетства пеленавшая княжну стала именовать её по имени отчеству.

Прасковья Григорьевна, как в сказке, из гадкого утёнка превратилась в прекрасного лебедя, став самой красивой девушкой в столице. Она была высокой и хрупкой блондинкой с упругой женственной талией и очень правильными и тонкими чертами лица с маленьким коричневым пятнышком у кромки губ, придававшим особую пикантность её внешности. У неё были открытые серо-голубые глаза, излучающие живую энергию.

Княжна Мамаева превратилась в настоящую модницу. Из процесса одевания она устраивала настоящую церемонию, которая требовала много времени.

Проснувшись, Прасковья Григорьевна принимала ванну, которую дворовые девки наполняли водой пахнувшей вербеной, добавляя лепестки роз.

Завершив купание, Прасковья сама выбирала свой наряд, чулки, обувь, нижние юбки и все другие предметы женского туалета, которые подносили к ней служанки. После чего на помощь призывались камеристки и горничные. Они помогали княжне одеваться. Пару горничных делали ей причёску.

Когда процесс одевания был завершён, княжна Мамаева подолгу внимательно разглядывала себя в трёхстворчатое зеркало, выискивая недостатки и погрешности в одежде. И если наряд, по каким-либо причинам, не удовлетворял её, она требовала другой, который примеряла с тем же вниманием и терпением.

Так же торжественно происходило разоблачение перед сном. Те же камеристки и горничные снимали верхнюю одежду, и укладывали княжну в кровать, накрывая тёплым одеялом.

Когда все правила светского образа жизни были усвоены княжной Прасковьей, родители посчитали, что настало время представить дочь высшему обществу. И самым подходящим мероприятием для такого дела являлся бал. Там одновременно собиралось самое большое количество людей самого разного ранга и возраста. На балу можно завести нужные знакомства среди почтенных дам, определяющих общественное мнение в высшем свете. Встретить жениха из хорошей и обеспеченной семьи. Блеснуть нарядами и красотой. Наконец просто развлечься. К тому же бал это всегда волнительно, а первый бал это поистине сказочная мечта. К нему долго и тщательно готовятся, чтобы предстать там во всей красе. К тому же роскошные наряды, затейливые причёски, дорогие украшения способны приукрасить даже дурнушку, а подлинных красавиц превратить в настоящих богинь.

Первый бал для Прасковьи Григорьевны был царским. Императрица Анна Иоанновна закатывала большие празднества по случаю своих именин. Ко двору съехалась вся русская и иноземная знать. Лучшего повода для выхода в свет для княжны было не сыскать.

Княгиня Анна Никитична задолго до торжеств начала подготовку к балу. В княжеский дворец были приглашены знаменитые на весь Петербург французские модистки, закуплено множество отрезов заморской материи. Началась работа по пошиву бального платья. Модистки дважды в день снимали мерки с княжны. Наконец за три недели наряжённой работы бальный наряд был готов.

Прасковья Григорьевна примерила обновку. Посмотреть на княжну в парадном платье, с длинным парчовым шлейфом, сверкающую драгоценностями сбежались все горничные и камеристки. Юная княжна Мамаева гордо прохаживалась между восхищёнными служанками, ощущая себя настоящей королевой.

Настал долгожданный день. Вся чета Мамаевых погрузившись в украшенную фамильным гербом карету, отправились в императорский дворец. Всю дорогу сердце княжны Прасковьи колотилось с такой силой, что казалось, оно вырвется наружу. Княжна даже скрестила руки на груди, чтобы не дать сердцу выпрыгнуть. Она ни чего не помнила, не видела, не ощущала. Прасковья Григорьевна пришла в себя лишь тогда когда мать ввела её в просторный блистающий золотом зал, заполненный нарядными дамами и кавалерами.

Императорский герольд в золотом плаще расшитым двуглавыми императорскими орлами, трижды стукнув посохом, торжественно объявил:

– Их высокопревосходительство генерал-аншеф и кавалер светлейший князя Мамаев с супругой и детьми.

Не успела чета Мамаевых проследовать в залу, как её обступили молоденькие императорские фрейлины, предлагая свои услуги. Княгиня представила свою дочь, и учтиво поблагодарив их за внимание, поспешила вырваться из назойливого окружения. Ей нужно было, пока не начались танцы, отыскать среди гостей важных столичных дам, от мнения которых зависела репутация молодой княжны.

Анна Никитична неспешно и величаво подошла к двум степенным дамам, внимательно рассматривавшим окружавших их особ, и представила свою дочь.

– Разрешите представить вам, моя дочь княжна Прасковья Григорьевна.

– Ах, какая милая барышня, – кисло улыбнулась самая старшая из дам, вдова фельдмаршала князя Северского.

– Просто маленький ангелочек, – вторила своей спутнице вторая дама, энергично обмахивавшая себя веером.

Это была гофмейстерина императрицы графиня Озерова.

– Вот вывезла дочь на бал, – немного смутилась княгиня. – Как вы полагаете, не рано ли?

– Что вы моя милочка, давно пора, как можно держать такое сокровище дома, взаперти, вдали от света, – бесцеремонно рассматривая княжну, затараторила гофмейстерина Озерова. – Вы Анна Никитична поступили разумно. Я уверена ваша очаровательная дочурка произведёт фурор на балу.

– Да непременно она станет блистать на балу, – поддержала гофмейстерину княгиня Северская. – Полагаю, от кавалеров не будет отбоя. Как сейчас помню свой первый бал, я была такой же молодой и красивой.

– А кто занимался вашим воспитанием? – решила немного проэкзаменовать юную барышню гофмейстерина.

– Маменька выписала для меня гувернантку из Франции, – по-французски ответила княжна, стыдливо опустив глазки вниз, как учила маменька.

– Мы получили рекомендации на счёт гувернантки от французского посла месье Шатору. В Париже она состояла при королевском племяннике герцоге Ангулемском, – пришла на выручку дочери Анна Мамаева.

– Это превосходно, – возбудилась старая княгиня. – Ах, я провела счастливейшие годы в Париже, когда мой покойный супруг сражался на благо нашего государя.

– Вам милочка непременно нужно представить свою дочь супруге царского камергера Эрнеста, – посоветовала гофмейстерина Озерова. – Я уверена, что фрау Эрнестина найдёт вашу доченьку весьма воспитанной молодой особой.

Мамаевы поклонились и оставили старых ворчуний. Прасковье не терпелось окунуться в водоворот танцев, но Анна Никитична ухватив её за локоть, увлекла за собой, в надежде отыскать фрау Эрнестину. Но это не помогло, Прасковья ловко освободилась от опеки родительницы и тут же была приглашена на танец одним красавцем преображенским офицером.

Заиграла музыка, и пары плавно пошли по кругу. По традиции бал открывался модным в Европе полонезом. Пары выстраивались в ряд, и кавалеры кружились вокруг своих партнёрш, как пчёлы возле цветка. Движения дам были чёткими и изящными.

После полонеза последовал французский гавот, а после спокойный менуэт. От кавалеров не было отбоя, и все партии княжны Прасковьи Мамаевой были расписаны. После вальса немного уставшей Прасковье, захотелось пить. Её спутники бросились в соседнюю с бальной залой комнату, в которой были накрыт огромный стол с множеством блюд и вин. Княжна в ожидании своих обожателей, слегка прислонилась к колонне, чтобы остудить разгорячённое тело, энергично обмахивая себя веером.

Мимо уставшей девушки, с небольшой свитой степенно шествовала немолодая дама с обезображенным оспой лицом в невзрачном тёмно-сером платье. Поравнявшись с Прасковьей, дама остановилась, устремив свой взор на изумительное сапфировое ожерелье, украшавшее грудь княжны.

Такое пристальное внимание незнакомки показалось молодой девушки оскорбительным.

– Мадам, вы дырку на мне протрёте, своим пристальным взглядом, – не сдержалась юная княжна.

– Что? – выпучив глаза, переспросила дама в тёмно-сером платье.

– Вам понравилось моё ожерелье?

– Я вас не понимаю, – растерявшись, пробурчала незнакомка.

– Я хотите я вам его подарю.

– Да как вы милочка смеете, – вступилась за свою патронессу, одна из спутниц степенной дамы.

– Смею, – смело ответила девушка. – Ещё как смею.

– Вы знаете, с кем разговариваете?

– А вы знаете, с кем вы разговариваете? – чувствуя прилив сил, оживилась Прасковья Григорьевна.

– Это фрау Эрнестина, супруга камергера государыни господина Эрнеста.

– Да что вы говорите? – усмехнулась княжна Мамаева. – Жена императорского камергера.

– Что тут смешного? – решив самостоятельно защищать свою честь, возмутилась фрау Эрнестина.

– Действительно, ни чего смешного тут нет, – спокойно ответила Прасковья Григорьевна.

Неизвестно, чем бы эта перебранка закончилась, поскольку молодая княжна Мамаева не собиралась отступать, но ей на помощь пришла великая княжна Елизавета Петровна, двоюродная сестра императрицы, ставшая невольной свидетельницей ссоры.

Великая княжна быстро уладила конфликт, примирив соперниц. Недоразумение было устранено. Прасковья продолжила наслаждаться танцами, не подозревая, что в окружении императрицы назревал настоящий скандал. Раздосадованная фрау Эрнестина пожаловалась государыне на Прасковью Мамаеву и великую княжну. Анна Иоанновна была возмущена и желала наказать обидчиков супруги своего фаворита.

Однако находчивая великая княжна Елизавета Петровна легко оправдалась перед царицей, представив всё в шутовском виде. Чтобы отвести удар от молодой княжны Мамаевой, Елизавета Петровна предложила включить её в свою свиту.

Анна Иоанновна остыла, рассудив, что ей не стоит по пустякам ссориться с обожаемой гвардией дочерью Петра Великого и дала согласие включить Прасковью Мамаеву в свиту великой княжны.

Великокняжеская фрейлина

Об этих придворных неурядицах Прасковья Григорьевна ничего не знала и вполне уверенная в себе полагала стать императорской фрейлиной. Тем более в этом её уверяли, не желая огорчать, все домочадцы.

Раскрасневшаяся Прасковья вбежала в комнату и увидела вместо зелёного бархатного, полагавшегося императорским фрейлинам, наброшенное на ширму голубое платье.

– Как, оно голубое, – разочаровано отметила княжна.

– Да милая, посмотри какое оно прекрасное, – обняла дочь Анна Никитична. – Платье будет прекрасно на тебе сидеть.

– Сидеть оно на мне будет?

– То есть, ты милая в нём будешь выглядеть великолепно, – поспешила поправить себя княгиня.

– Но такие при царском дворе не носят, – надула губы княжна Прасковья. – Это что же я не буду состоять при государыне?

– Ты ещё слишком молода, чтобы стать императорской фрейлиной. В твоём юном возрасте пристало состоять в свите императорской дочери, великой княжны Елизаветы Петровны.

– Не хочу.

– Успокойся милая, ты будешь состоять в свите великой княжны Елизаветы Петровны. Поверь мне это очень почётно.

– Не хочу, – в сердцах топнула ножкой юная княжна.

– Состоять в свите молодой великой княжны намного интереснее, чем при скучном императорском дворе.

– Это чем же?

– Великая княжна Елизавета Петровна молода, она весела и беззаботна. У неё каждый день это праздник. И ты будешь частью этой весёлой беззаботной жизни. Такого не будет при императрице.

– Не правда.

– Пойми глупенькая, состоя при императорском дворе, ты потеряешь свободу. Окажешься словно птица в золотой клетке. Ты наивно полагаешь, что должность императорской фрейлины это почётно и величественно. Но, поверь мне своей матери, в реальности всё обстоит не так гладко. Боюсь, что столкнувшись с повседневной жизнью царского двора, ты разочаруешься. Это не только роскошь дворца, не балы и маскарады. Это масса тяжёлых обязанностей. Дежурства при царской особе, выполнение различных поручений. Потом это жуткие интриги между фрейлинами за влияние на государыню. Ты очень молода и наивна и боюсь, что ты с этим не справишься. И потом если ты попадёшь в свиту к императрице, это потребует от тебя полной самоотдачи. У тебя не останется личного времени.

– Но если там так плохо, отчего вы отправляете меня ко двору?

– Это почётно для тебя и нашей семьи. Нельзя себя хоронить в провинции. Каждая знатная семья должна быть близка к престолу. Это твой долг. Помни, состоя на придворной службе ты, прежде всего, отстаиваешь интересы семьи. Ты должна способствовать карьере своего брата.

– Вы только и думаете о Борисе, а обо мне кто позаботиться.

– Мы, твои родители.

– Это как же?

– Направляем тебя в свиту великой княжны Елизаветы Петровны.

– А мои желания вы не учитываете?

– Ты ещё очень молода, – строго заявила княгиня Анна Никитична. – И не понимаешь, чего ты хочешь в жизни. Мы позаботимся о тебе. Нам, твоим родителям, лучше знать, что для тебя благо. И хватить пускать слюни. Ты же княжна, а не дворовая девка. Веди себя подобающе своему статусу. И во всём слушайся родителей. Ни чего плохого мы тебе не желаем. К тому же великая княжна Елизавета Петровна, возможно, когда то станет царицей, и ты окажешься среди её доверенных лиц. А это откроет тебе дорогу в высший свет, и ты сможешь рассчитывать на хорошее приданное.

– Вы только и думаете о деньгах, – корила княжна свою мать.

– Это не маловажно, ты же должна удачно выйти замуж.

– Но мамочка.

– Всё достаточно, – нахмурила брови княгиня.

Прасковья решила не спорить с матерью, тем более ей на самом деле хотелось вырваться из родительского гнезда и начать самостоятельную жизнь. И лучше всего это было сделать при царском дворе, даже если придётся состоять в свите царской родственницы.

Княжна укрылась за ширмой, где две проворные горничные облачили девушку в голубое фрейлинское платье.

Наряд и в самом деле сидел на молодой барышне великолепно. Голубой бархат верхнего платья расшитый внизу золотой нитью, с большим разрезом спереди к низу от талии, открывавшим нижнюю юбку из белого атласа, откидные рукава и длинный до самого пола шлейф. Парадное убранство дополняли драгоценная диадема в виде резного кокошника и бусы из крупного морского жемчуга.

Прасковья Григорьевна любовалась своим отражением в зеркале.

– Ой, как вы прекрасны барыня, – восхищались молодой княжной, горничные. – Наряд вам к лицу. Вы право, писаная красавица. Будете самой красивой при дворе. Все кавалеры будут у ваших ног.

Лесть прислуги нравилась Прасковье. Она и вправду выглядела великолепно. Её природная красота и прекрасный наряд делали молодую княжну поистине неотразимой.

– Ах, моя милая, ты настоящая Афродита, – увидев дочь в парадном наряде, восхищался старый князь. – Красавица, глаз не отвести.

– Спасибо папенька, – поцеловала отца Прасковья.

– Ты готова милая?

– Да, папенька.

– Тогда в путь.

Был подан экипаж, и князь Григорий Николаевич повёз дочь во дворец великой княгини Елизаветы Петровны.

С воцарением Анны Иоанновны, младшая дочь покойного императора Петра Великого царевна Елизавета, приходившаяся новой царице двоюродной сестрой, была в опале, поскольку новая государыня считала её своей главной соперницей в борьбе за трон. И чтобы царевна не докучала ей своим присутствием Анна Иоанновна выпроводила её из царского дворца, выделив ей скромную усадьбу за городом.

Почётная ссылка несколько не огорчила великую княжну, не безосновательно опасавшуюся за свою жизнь. Она была даже рада оказаться как можно дальше от императорского двора, где её могли ожидать одни неприятности.

При Елизавете Петровне собрались все обделённые царской милостью молодые придворные, образовав малый великокняжеский двор, в тайне надеясь когда-нибудь провозгласить свою патронессу государыней.

Великая княжна Елизавета была молода и беззаботна. Она была противницей всяких серьёзных занятий, наслаждаясь беззаботной жизнью, обожала охоту, балы и маскарады, но

больше всего она любила мужское общество. Возле неё всегда было множество воздыхателей, красивых офицеров и придворных.

С новой императрицей у Елизаветы Петровны отношения были не простыми. Анна Иоанновна видела в молодой родственнице свою соперницу и поэтому всячески поощряла разгульный образ жизни великой княжны, не допуская к государственным делам, поэтому и держала вдали от своего двора. Словом, находясь на значительном удалении друг от друга, царица и молодая царевна чувствовали себя намного комфортнее.

Царская охота

Поступив в свиту к великой княжне Елизавете Петровне, Прасковья Мамаева окунулась в водоворот светских развлечений. При этом великая княжна стала своеобразной наставницей для своей юной фрейлины.

Настало время большой охоты. Императрица, исполняя желания своего фаворита камергера Эрнеста, большого любителя лошадей, устроила царскую охоту. Приглашённых на охоту было множество: придворные чины, родовая знать, иностранные послы и гости. Получила приглашение и великая княжна Елизавета Петровна, прибывшая на охоту со всей своей свитой.

Всё было готово, по звуку рожка главного егермейстера, огромная кавалькада пышно разодетых гостей, ощущающих себя настоящими охотниками, верхом на лошадях, рассыпавшись веером, медленно двинулась по заросшему высокой травой полю. Ловчие спустили стаю резвых борзых собак, которые в поисках зверя помчались по полю в сторону леса. Кавалькада, в своём большинстве состоявшая из любопытных зевак, следовала за собаками, подгоняемыми опытными ловчими. Для многих, особенно для дам, это была просто верховая прогулка, возможность поболтать в непринуждённой обстановке с подружками и покрасоваться перед красавцами кавалерами. Примерно через час охотники, раздевшись на отдельные группы, мчались по перелеску в поисках затравленного борзыми зверя.

Княжна Прасковья Мамаева, потеряв из виду свою патронессу, пожелавшую свернуть с охотничьей тропы, чтобы на природе уединиться со своим новым фаворитом поручиком Иваном Шубиным, ощущая настоящий охотничий азарт, скакала в группе измайловский офицеров. Неожиданно перед лошадью княжны из густых зарослей орешника выскочил волк. Его рваная шерсть свисала клоками, а глаза горели страшным огнём лютой ненависти. Он был таким страшным, что лошади охотников, перестав слушаться своих седоков, помчались во весь опор сквозь заросли кустарника. Не смогла обуздать свою лошадь и Прасковья. Её гнедая кобыла с пышной, завитой косичками, гривой от испуга сломя голову помчалась по лесной тропе, обдирая свои бока и платье всадницы ветвями деревьев. Княжна прижалась к лошадиной спине, обхватив обеими руками шею лошади. Ветер свистел в ушах, по спине и бокам хлестали ветки деревьев, но Прасковья твёрдо держалась в седле. Наконец лошадь ослабила бег и всадница, выждав нужный момент, ухватила уздечку и плавно потянула на себя. Лошадь повиновалась, перейдя на слабую рысь. Проскакав ещё десяток метров, Прасковья остановила свою кобылу, заметив у ручья, лежащего в траве человека. Она подъехала к незнакомцу. Это был мужчина, лежащий лицом вниз, возможно, сброшенный своей лошадью. Его седой парик соскочил с головы и запутался в траве. Плащ был изодран, а светло-жёлтые кюлоты выпачканы грязью.

Прасковья спустилась с лошади и, подойдя к незнакомцу, перевернула его на бок. Он был без сознания. Его небольшое лицо было обезображено следами оспы, а округлый лоб был слегка сдавлен у висков, придавая голове грушевидную форму.

Прасковья достала платок и утёрла им лицо незнакомца. Это привело его в чувство. Мужчина открыл глаза и, осмотревшись, прохрипел:

- Где я?
- Вы в лесу, – улыбнулась княжна Мамаева.
- В каком лесу? – ещё плохо соображая, захлопал глазами незнакомец.
- Мы на охоте.
- А, что произошло?
- Я не знаю и могу лишь предположить, что вас сбросила лошадь.
- Какая лошадь?
- Вы что-нибудь помните?

– Ах да, – окончательно пришёл в себя мужчина.

Он попытался встать, но у него закружилась голова и он, потеряв равновесие, вновь повалился на землю.

Прасковья попыталась его поднять, но не смогла. Пострадавший был очень тяжёл для хрупкой девушки.

– Что же делать? – раздосадовалась княжна. – Мне вас не дотащить.

– Может я смогу встать, – вновь попытался подняться незнакомец.

– Нет, нет, ни в коем случае, лежите спокойно. Это может быть опасно, – остановила раненого княжна. – Возможно, у вас серьёзные раны. Я сейчас найду кого-нибудь из свиты и приведу помощь.

– Да, хорошо, скачите быстрее, – согласился с предложением своей спасительницы потерпевший.

Прасковья взобралась на свою лошадь и по тропе помчалась в обратную сторону. Вскоре она повстречала группу царских придворных и, сообщив им о трагедии, сопроводила к пострадавшему.

Бедолаге помогли, водрузив на лошадь, осторожно повезли в лагерь, где находился лейб-медик. Прасковья Григорьевна сопровождала печальную процессию.

– Вы моя спасительница, – попытался завязать разговор пострадавший.

Он внимательно рассмотрел обнаружившую его наездницу и нашёл её весьма привлекательной.

– Вас мне послало само провидение.

– Ах, полно.

Однако раненый не унимался, рассыпая благодарности и восхищения в адрес юной княжны.

Слушая незнакомца, Прасковья отметила у него наличие прибалтийского акцента. Видимо, он был одним из многочисленных курляндцев, выехавших в Россию в свите любимца императрицы камергера Эрнеста.

– Вы состоите в свите его превосходительства камергера Эрнеста, – попыталась подтвердить свою догадку княжна Мамаева.

– Ах, извините фрау, видимо, я так сильно ударился головой, что совершенно позабыл представиться.

– Не наговаривайте на себя.

– Это моя оплошность. Вы в праве, моя милая спасительница, считать меня грубым необразованным мужланом.

– Полно вам.

– Я барон Густав, подполковник лейб-гвардии и командир гвардейского Измайловского полка. Я действительно состою в свите его превосходительства камергера Эрнеста, поскольку он мой старший брат.

– Я рада была помочь родственнику такого важного вельможи, – последние слова Прасковья произнесла с лёгкой усмешкой.

– Позвольте и мне узнать ваше имя, – не обращая внимания на тон собеседницы, спросил барон Густав.

– Я фрейлина ея высочества великой княжны Елизаветы Петровны светлейшая княжна Прасковья Григорьевна Мамаева, – официально представилась княжна.

– Вы дочь генерал-аншефа князя Мамаева?

– Да.

– Я очень уважаю вашего батюшку князя Григория Николаевича, он верный слуга государыни императрицы.

– Мы все царские слуги.

– Я ваш должник княжна и вы вправе просить у меня любую награду, – гордо заявил гвардейский подполковник.

– Ах, оставьте барон, мне ни чего не нужно.

– Но всё же, – настаивал Густав.

Вместо ответа Прасковья Григорьевна пришпорила лошадь и поскакала вперёд кавалькады, отыскивать членов великокняжеской свиты. К обеду добравшись до лагеря, она даже не поинтересовалась состоянием подполковника, совершенно забыл о нём. Единственно она в приукрашенном виде рассказала о своих приключениях Елизавете Петровне и великокняжеским фрейлинам, чтобы их развеселить. Все дружно посмеялись над неуклюжестью курляндца.

– Говорят, что Эрнест и его бедолага братец, служили в Курляндии при герцогской конюшне, – смеясь, заметила великая княжна. – А с нашими лошадьми не могут управиться.

– Тут не Курляндия, а матушка Россия. Наши лошади хорошо откормлены, нечета хилым курляндским клячам, – вторили своей патронессы её придворные.

Между тем после обеда охота продолжилась. Прасковья Григорьевна вновь верхом скакала по лесу, лугам и оврагам, преследуя затравленных животных.

К вечеру, когда уставшие и довольные участники охоты возвратились в лагерь, для них прямо на лугу были накрыты столы. Все были голодны и нуждались в хорошем ужине. Вино, фрукты и зажаренное на вертелах мясо, добыча охотников, с большим аппетитом поглощались придворными. Всюду слышался смех и рассказы охотников, старавшихся перекричать друг друга, делясь своими впечатлениями.

Прасковья в окружении великокняжеских свитских наслаждалась яствами, когда к ней подошёл её брат князь Борис.

– Прасковья Григорьевна, мне нужно с вами поговорить, – строго объявил княжич Мамаев.

– Что ты Боренька?

– Как прошла охота?

– Великолепно.

– Говорят, у тебя случились серьёзные приключения?

– О чём ты?

– Ты мне ни чего не расскажешь?

– Я тебя не пойму, – растерялась княжна.

– Отойдём, прошу, это важно.

– Хорошо, пойдём.

Борис взял сестру под руку и повёл к шатрам, расставленным для ночлега придворных, подальше от застолья. Княжич молчал и решил заговорить, лишь убедившись, что ни кто не сможет услышать разговора.

– Прасковья, я слышал, ты спасла барона Густава.

– Ах, право пустяки.

– Почему ты мне ни чего не рассказала?

– Я и забыла об этом.

– Ты знаешь, кто этот Густав?

– Кажется, он командует гвардейским полком.

– Он не просто гвардейский полковой командир, таких много, – нервно дёргал руку сестры Борис. – Он родной брат камергера Эрнеста.

– Мне это известно.

– А тебе известно, что Эрнест так близок к государыне, что фактически стал первым вельможей в стране. Царица выполняет все его капризы. Она сама управлять государством не в состоянии и отдала все бразды в руки своего любимчика. Эрнест фактически управляет Россией. Это тебе известно?

- Мне то, что за дело? – недоумевала княжна.
- Тебе может быть, и нет до него ни какого дела, хотя зря ты так беспечна, но мне дело есть, – досадовал князь Борис.
- Что тебе нужно?
- Я слышал, ты приглянулась барону Густаву.
- Неужели, какая радость, – развеселилась Прасковья Григорьевна.
- Не паясничай, всё очень серьёзно.
- Ты полагаешь, что я выйду замуж за курляндского выскочку. Говорят, что этот Эрнест и его братик конюхи.
- Тише ты, – озираясь по сторонам, цыкнул на сестру Борис Григорьевич. – Ты нас всех погубишь.
- Ты боишься этих конюхов?
- Они в большом фаворе.
- От них несёт конским навозом.
- Государыня, видимо, так не думает.
- Это потому что она долго прожила в Курляндии, и её вкусы деградировали.
- Об этом судить не нам.
- Нет, мы должны влиять на пристрастия наших монархов. Довольно терпеть всяких безродных выскочек на русском троне.
- Да ты бунтарка, – возмутился молодой князь Мамаев. – Тебя нужно держать в крепости.
- Тебе эти курляндцы дороже родной сестры?
- Нет, как можно, – смутился Борис. – Ты моя родная сестра, я тебя люблю и за тебя горы сверну.
- Дай да Бог.
- Но ты, пожалуйста, осторожней. Не навлеки на нас беду.
- Да не трясись, ты же природный русский князь.
- Это да, но бережёного Бог бережёт.
- Измельчало русское дворянство, смотрю я на вас и удивляюсь. Не князья вы, а простые холоуи или того хуже. Даже у холопов есть своя гордость. У вас нет. Вы готовы пресмыкаться перед каждым безродным проходимцем. Пропала Русь. Слушать твои речи противно.
- Много ты понимаешь, – обиделся князь Борис.
- Ладно, не станем ссориться. Что ты хотел?
- Будь немного поласковей с бароном Густавом, чего тебе стоит, ради меня. Улыбнись ему хоть разочек.
- Для чего?
- Только Густав может помочь моему продвижению.
- Ты меня совсем заморочил, говори яснее.
- Попроси барона Густава назначить меня к нему адъютантом. Помоги брату, Богом умоляю. Иначе ни как русскому человеку не пробиться наверх. Всё захватили ненасытные курляндцы. Вся власть теперь у них.
- А я что говорила, одна немчура кругом.
- Так помоги мне пробиться наверх. Нужно же нам, русским князьям, занять подобающее место.
- Хорошо, я похлопочу за тебя, хотя мне это и неприятно.
- Благодарю тебя моя родная, – князь Борис, в знак признательности, поцеловал руку сестры.

Настойчивый курляндец

Барон Густав, едва оправившись после падения с лошади, сразу же поспешил навестить свою спасительницу. Угодливые придворные показали шатёр, в котором ночевала княжна Прасковья Мамаева. И ранним утром Густав, считая себя неотразимым кавалером, перед которым не может устоять не одна девица, как бывало не раз, наведаясь к княжне Мамаевой.

Прасковья занималась своим туалетом, примеряя новый наряд для верховой езды. Барон бесцеремонно вошёл в шатёр, грубо растолкав служанок.

– Что это за вторжение? – возмутилась Прасковья Григорьевна.

– Милая фройляйн, я пришёл засвидетельствовать вам моё почтение, – поклонился барон Густав.

– Мне показалось, что вы наведались в конюшню.

– Что вы фройляйн, неужели ваш будуар похож на конюшню.

– Я полагаю, вы не видите разницы.

– Отчего, – растерялся барон.

– От того, что к молодым барышням не врываются. Так поступают только бандиты с большой дороги.

– О, – понял свою ошибку Густав. – Прошу фройляйн Прасковья меня извинить. Я так спешил к вам, что не мог сдерживать себя. А в качестве моих извинений примите от меня этот скромный букет.

Барон щёлкнул пальцами, и слуга внёс в шатёр большую корзину алых роз.

– Вот фройляйн Прасковья мои извинения.

Слуга поставил корзину с цветами к ногам княжны.

– Эти цветы прекрасны, они достойны вас, – широко улыбнулся барон.

Розы действительно были великолепны. Воздушные алые лепестки хранили на себе маленькие камельки росы, распространяя вокруг ароматную свежесть. Прасковья, любящая цветы, на мгновение невольно улыбнулась, но тут же вспомнив о непрошенном госте, вновь приняла строгий вид.

– Я прощён? – продолжал улыбаться барон.

– Оставьте меня, – потребовала княжна.

– Вы слишком строги, – обиделся Густав.

– Не забудьте забрать свои цветы.

– Так нельзя.

– Я сказала, пойдите вот, – в сердцах топнула ножкой Прасковья.

– Но, позвольте.

– Я ни чего вам не позволяю, оставьте меня, сию же минуту.

– Ну, знаете ли.

Густав был возмущён, ожидая совсем другого приёма. Ещё ни кто так с ним не обращался и не выставлял его за дверь. Барон небрежно схватил корзинку с цветами и, развернувшись на каблуках, собирался покинуть шатёр.

– Ах, постойте, – вспомнив о просьбе брата, остановила гостя княжна. – Извините меня подполковник.

– Что вы фройляйн, во всём виноват только я, – вновь оживился барон.

– Оставьте цветы, они и вправду великолепны.

– Я рад услужить вам.

– Раз вы посетили меня, значит у вас ко мне какое-то предложение.

– Вы очень проницательны.

– Так, что вы желаете?

Прасковья Григорьевна с презрением наблюдала за гостем, которого распирала от низменных желаний. Его манеры были вульгарны, внешность отвратительна. Ей хотелось быстрее избавиться от этого гнусного курляндца, но она обещала похлопотать за брата и поэтому, хотя и с трудом, вынуждена была терпеть его присутствие.

– Смелее барон, раскройте мне цель своего визита. И пожалуйста, без утомительных церемоний. Говорите напрямую.

– Определённо вы фройляйн Прасковья мне нравитесь всё больше и больше, – брызгая слюной от удовольствия, поедал глазами молодую барышню Густав. – Мне нравятся решительные дамы, такие как вы. По правде говоря, я не люблю долгих уговоров. Это утомительно.

– Я вас слушаю.

– Милая фройляйн Прасковья сегодня во время конной прогулки я желал бы видеть вас в своём эскорте.

– Боитесь, что вас вновь сбросит лошадь, и вы окажетесь без помощи.

– Этому не бывать, – задетый за живое, резко ответил курляндец.

– Я не хотела вас обидеть.

– Что вы фройляйн, как можно обижаться на вас, – лукаво улыбнулся барон. – Так, что вы мне ответите?

– Знаете подполковник, пожалуй, я приму ваше приглашение, но мне одной может быть скучно в обществе ваших гвардейцев.

– Ах, не называйте меня так.

– Как именно?

– Обращение подполковник слишком официально.

– Как же мне вас величать?

– Называйте меня Густавом.

– Хорошо Густав.

– Так-то лучше.

– Но вы Густав не ответили на счёт моего общества?

– Просите, что угодно.

– Я бы предпочла, чтобы в вашей свите, кроме меня, состоял и мой брат князь Борис Григорьевич Мамаев. Так мне будет спокойней.

– Это проще простого, – развёл руками барон. – Я сию же минуту назначаю его своим адъютантом.

– Ещё одна просьба.

– Всё что угодно.

– Мне бы хотелось, чтобы весть о своём новом назначении, мне сообщил лично мой брат князь Борис.

– Считайте, что он уже стоит у вашего шатра, дожидаясь вашей аудиенции.

– Благодарю, – Прасковья с трудом выдавила из себя улыбку.

– Позвольте вашу ручку.

Княжна разрешила поцеловать гостю свою руку, лишь бы быстрее выпроводить барона из своих покоев.

Вполне довольный визитом барон Густав, в предвкушении будущих любовных утех, покинул шатёр княжны.

Одно дело было сделано, оставшись одна, рассуждала Прасковья. Брату она помогла. Борис будет доволен. Она выполнила свой сестринский долг. Но решение одной проблемы, породило другую. Намерения барона в отношении своей персоны княжне были вполне ясны. Всё пошлые желания это курляндского конюха были написаны на его мерзком лице. Он был так уверен в своём могуществе, что даже не пытался прикрыть свою наглую физиономию, маской добродетели. За должность для брата предстояло расплатиться самым дорогим, своей честью.

А этого княжна Мамаева допустить не могла. Не так она была воспитана. Она, отпрыск древнего и знатного рода, русская княжна, и не могла отдать себя в руки безродного выскочки.

Не придумав, что следует предпринять, чтобы обезопасить себя, Прасковья решила обратиться за помощью к своей патронессе.

– Ну и пройдоха этот барон Густав, – выслушав рассказ своей фрейлины, рассмеялась Елизавета Петровна. – Ай да курляндец. Он полагает, что подарив ночь любви, тем самым отблагодарит тебя.

– Ваше высочество, матушка Елизавета Петровна, мне не до веселья, – сама еле сдерживала смех Прасковья. – Как избавиться от этого наглеца? Посоветуй матушка, что делать?

– Я тебе помогу, не волнуйся милая Прасковьюшка. отошлю тебя с каким-нибудь поручением. Пусть тебя Густав поищет.

– Спрятаться один раз можно, но вечно прятаться нельзя.

– Да махни на него рукой.

– Нет, этим курляндца не отвадишь.

– Побесится и забудет.

– Ваше высочество, полагаю, что с Густавом этот случай не подходит. Моё отсутствие его только раззадорит.

– Может ты и права, – согласилась великая княжна.

– Вы самая проницательная из женщин, – чтобы более заинтересовать свою патронессу, решила на лесть княжна Мамаева. – Вы лучше всех разбираетесь в мужчинах. В этом вам нет равных.

– Да у меня большой опыт, – улыбнулась Елизавета Петровна, оценка фрейлины ей очень понравилась.

– Тогда подскажите, как следует мне поступить с бароном?

– Мы проучим этого бывшего конюха, – хитро прищурилась великая княжна. – Этот безродный курляндец слишком высоко взлетел.

– Надеюсь, это будет не опасно для вашей особы.

– За меня не переживай, государыня не позволит курляндцам обидеть меня. Она знает, меня любят гвардейцы, я дочь Петра Великого.

– Но императрица очень привязана к своему камергеру Эрнесту, а он родной брат барона Густава.

– Тем более пора покончить с этими выскочками. Отправим их опять в конюшню, там им самое место.

– Ой, матушка Елизавета Петровна затеваете вы опасную игру.

– Я люблю опасные игры, – рассмеялась великая княжна. – Давно пора поцекотать нервы нашей государыни и напомнить о себе. Я давно ждала подходящего случая. И благодаря тебе такой случай представился. Одним махом разделаемся с курляндцами, на радость моим сторонникам.

– Дай да Бог, – перекрестилась Прасковья.

– Хватит грустить, – засмеялась великая княжна. – Мы молоды и прекрасны, и нам грешно печалиться. Жизнь нужно прожить весело и беззаботно.

Молодых барышень уже ждали их кавалеры, на полянке, под исполинским дубом, был накрыт роскошный стол, вино и лёгкий флирт, сгладили все тревожные мысли.

Приглашение на свидание

Царская охота набирала свои обороты. Развлечения, застолья, танцы, фейерверки, конные и речные прогулки совсем раскрепостили публику. Отдых на природе всегда благотворно влияет на состояние человека, но перенасыщение удовольствиями может подорвать моральные устои.

Императрица Анна Иоанновна большая любительница плотских утех, всячески поощряла любовные интрижки своего окружения. Она наслаждалась рассказами своих приближённых об их любовных победах. При царице состоял целый штат придворных сплетниц, с подмоченной репутацией, собиравших интересные слухи по всей столице, чтобы в красочных подробностях всё пересказать государыне. А на царской охоте, такие пикантные связи возникали между противоположными полами гораздо чаще. Этому способствовала сама обстановка, полностью раскрепощая людей, освобождая, как им казалось, от ложного чувства стыда и морали. Пресыщенная жизнью придворная знать желала развлечений и удовольствий. Жизнь им казалась такой короткой, что в ней не было места для прелюдии, нудных ухаживаний и романтических вздыханий. Всё нужно было получать сразу, без утомительных усилий. Немецкий рационализм, привнесённый в страну прибалтийским окружением императрицы, вытеснил всякий намёк на приличия и мораль. Грубость и хамство, стали обычным делом в отношениях между дамами и кавалерами. Невзначай шлёпнуть барышню по заднему месту стало проявлением удали и своеобразным знаком внимания. Привыкшие быстро удовлетворять свои желания кавалеры не церемонились с дамами своего сердца, превратив их в барышень своего желания. Поэтому не собрался церемониться с княжной Мамаевой и барон Густав. Он считал себя истинным военным и относился к дамам как к неприятельским крепостям, которые следует взять и разрушить одним наскоком, лихим броском, не прибегая к долгой и нудной осаде.

Прасковья Григорьевна получила записку от измайловского подполковника. Это было приглашение, а точнее приказ, явиться в расположение Измайловского полка, где со своими офицерами квартировал барон Густав.

Записку Прасковья прочитала великой княжне и, получив благословение от своей патронессы, отправилась в гости.

Измайловцы уже совершенно потеряли голову от многодневной охоты и удовольствий. Они не просыхали от пьянства, поэтому лагерь гвардейцев напоминал разорённую неприятельскую крепость. Всюду валялись пустые бутылки из-под вина, военная амуниция и конская упряжь. По лагерю в обнимку с растрёпанными маркитантками дефилировали подвыпившие гвардейцы.

В этом вертепе, как светлый лучик появилась княжна Мамаева. Все, кто мог ещё держаться на ногах и хоть немного владеть собой, постарались привести свою форму в надлежащий вид и продемонстрировать высокородной даме навыки почтительности. Хотя это получалось у них весьма скверно и со стороны выглядело неуклюже и даже смешно. Поэтому, несмотря на страшный погром, Прасковья была весела. Кислые физиономии и неловкие движения пьяных гвардейцев вызывали у неё откровенный смех.

Весёлость гостьи была расценена измайловцами, как особая к ним милость, поэтому они как можно радушнее старались наградить её своим вниманием, расточая в адрес княжны фантастические комплименты.

Более всех был обрадован командир полка. Барон Густав еле сдерживал себя от неуёмного желания, многократно усилившегося при виде субъекта своего вождения. У него даже перехватило дыхание и прежде чем начать расточать любезности, приветствуя долгожданную гостью, барон вынужден был залпом осушить бокал игристого вина. Восстановив дыхание и

почувствовав, придающий уверенности и добавляющий смелости, лёгкий шум в голове, гвардейский подполковник решительно перешёл в наступление.

– Фройляйн Прасковья, вы обворожительны.

– Ах, оставьте глупые комплименты, – продолжала улыбаться княжна.

– Бог видит, это истинная правда, – ища поддержки, посмотрел на своих гвардейцев барон.

– Бог видит, это правда, – хором загалдели измайловцы, так же как их командир, восхищённые красотой молодой княжны Мамаевой.

– Не позволят мне соврать мои brave гвардейцы, вы самая прекрасная барышня на всём белом свете, – подал глазами гостью Густав. – Я ещё не встречал такой дивной красавицы.

– Вы предлагаете мне свою руку и сердце? – приняв серьёзное выражение лица, спросила Прасковья Григорьевна.

– Я? – опешил курляндец.

– Да вы.

– Я? – растерявшись, не знал, что ответить барон.

Подобный поворот событий никак не планировался Густавом. Женитьба не входила в его планы. Он рассчитывал лишь на приятное времяпровождение не более. И вопрос дамы застал его врасплох.

– Что вы молчите подполковник?

– Я совершенно потерял дар речи, при виде такой красоты, – едва овладел собой барон Густав.

– Не полагала, что вы такой застенчивый, – усмехнулась Прасковья.

– Позвольте предложить вам вина, – барон принялся ухаживать за дамой. – У нас отличное светлое мозельское вино, с чрезвычайно мягким и приятным лёгким ароматом. Такого вы не найдёте в России. Его лично для меня доставляют прямо из Трира. Все подвалы моего замка в Курляндии набиты мозельским.

Барон растолкал полупьяных гвардейцев и провёл гостью к столу, где проворные слуги быстро заменив грязную скатерть, наполнили бокалы вином.

Прасковья Григорьевна взяла бокал, и сделала несколько глотков. Вино действительно было приятным на вкус, прохладным и лёгким. Напиток понравился и княжна улыбнулась.

– Я рад, что вам понравилось моё угощение, – уловив настроение гостьи, растянулся в улыбке барон Густав.

– Приятное вино.

– Угощайтесь.

– Вы хотите меня напоить?

– Нет, моя задача доставить вам истинное наслаждение.

– Каким образом?

– Я буду вас удивлять.

– Чем?

– Многим, – загадочно улыбнулся барон.

– Что ж, удивляйте.

– Прежде всего, я хочу показать вам свой лагерь, – объявил курляндец.

– Что же тут может быть интересного? – указывая на царившее вокруг разорение, спросила княжна.

– Моя походная конюшня, – с нескрываемой гордостью заявил барон. – У меня самые лучшие лошади. В России, да и в самой Курляндии, таких не сыскать. У меня есть редкие экземпляры. Особая моя гордость Гюнтер. Это просто красавец чистой вороной масти редкой Ольденбургской породы. У меня имеется пара великолепных, чистокровных Ганноверцев, выписанных мною из Шлезвига.

Живость, с которой Густав рассказывал о своих парнокопытных питомцах, выдавала в нём конюха. Он действительно очень любил и хорошо разбирался в лошадях. Это было его истинным призванием. И если бы не провидение, вознёсшее на Олимп из затрапезной Курляндии Анну Иоанновну, потянувшую за собой своего фаворита Эрнеста и всю его многочисленную родню, Густав так и занимался бы коневодством. Но судьбе было угодно вытащить его из конюшни и поместить во дворец. Такая быстрая перемена в жизни, как правило, приводит к помутнению рассудка, совращая нравственное обличье человека. Устоять он мгновенно обрушившейся славы, власти, богатств дано не каждому. Это под силу лишь людям с открытой душой и твёрдой моральной позицией. У Густава не было ни того ни другого. Как все выскочки он был жаден и беспринципен.

– Так что барон, когда вы назначаете мне свидание? – утомившись, слушая рассказ Густава о превосходстве его лошадей, спросила княжна Прасковья.

Ей были хорошо известны желания курляндца, которые были отображены на его мерзкой физиономии.

– Что? – вновь растерялся барон.

– Вы пригласили меня не любоваться своими лошадьми, или вернее не только любоваться лошадьми.

– Вы проницательны, – быстро овладел собой Густав. – Вы самая необыкновенная из всех женщин, которых мне довелось знать. А я большой знаток женского пола, поверьте мне.

– Я ни сколько не сомневаюсь, что вы барон пользуетесь популярностью у дам. Вы же такой красавец.

– Да, – глотая слюни, пробурчал Густав.

– Так что же вы молчите?

– Не будете ли вы милейшая княжна столь любезны, посетить сегодня очаровательный охотничий домик, – утерев платком выступившие от волнения капли пота на лбу, предложил курляндец.

– Это надёжное место?

– Очень, очень надёжное, – затараторил возбуждённый барон. – Это прекрасное место. Там всё отлично устроено. Про домик ни кто не знает.

– Надеюсь, вы меня не разочаруете.

– Как можно. Останетесь весьма довольны. Это уютное местечко. Мы будем там только вдвоём. Вы и я, и ни кого более. Всё будет по высшему разряду, – сбивался и проглатывал фразы барон. – Я так счастлив, так счастлив. Вы сделали меня самым счастливым человеком в мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.